

А.М. Лидов

Иконы в огне. Византийская иеротопия обряда Анастенирии

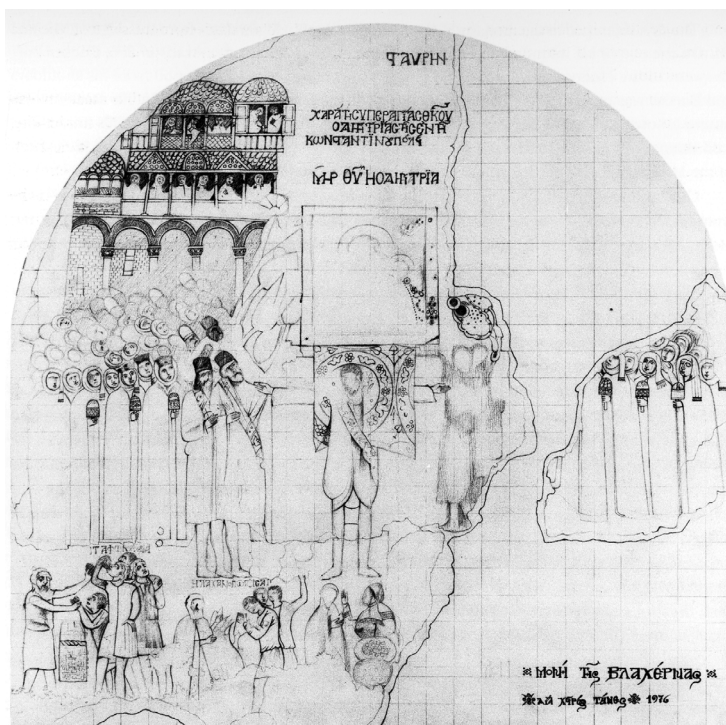
Анастенирия — один из древнейших обрядов, сохранившийся до нашего времени на территории исторической Фракии, сейчас в нескольких деревнях северной Греции и Болгарии, где он известен под именем нестинарство. Обряд происходит ежегодно в течение нескольких дней до и после 21 мая — православное празднования Свв. Константина и Елены. Славу Анастенирии составил центральный ритуал хождения по горящим углям, в идеале представляющий своего рода ритуальный танец в огне, исполняемый посвященными «анастениридами», которые держат в руках святые иконы и связанные с ними контактные реликвии. Огонь не только не обжигает находящихся в экстатическом движении адептов, но и приносит некоторым из них исцеления от разнообразных болезней. Происходящее чудо, по мнению участников, является синергичным действием «благодатного огня», священной природы древнего обряда и особой силы почитаемых икон-реликвий с образами царственных святых Константина и Елены, которые мистически участвуют в происходящем действе.

Анастенирия давно описана и проанализирована этнографами и психологами¹. Однако историко-культурный смысл обряда изучен существенно меньше, как и его византийские истоки. Настоящая работа впервые посвящена Анастенирии как ярчайшему явлению ви-

*Действо с Одигитрией
Константинопольской.
Фреска Маркова
монастыря.
Македония. XIV в.
The Rite with
Hodegetria of
Constantinople from the
murals of Marko
monastery near Skopje.
Macedonia. 14th cent.*

Вторничное действо.
Фреска монастыря
Влахернитиссы в
Арта. Конец XIII в.
Реконструкция.
The Tuesday Rite with
Hodegetria of
Constantinople from
the murals of
Blachernitissa church
in Arta. Late 13th cent.

Вторничное действо
с Одигитрией
Константинопольской.
Икона Московского
Кремля. XIV в.
The Tuesday Rite with
Hodegetria of
Constantinople on the
icon from the Moscow
Kremlin. 14th cent.

Жертвоприношение животных, Анастения 21.05.2011. Фото А.М. Лидова
The Sacrifice of Lambs, Anastenaria 21.05. 2011

Верховный анастенид совершает световозжигание перед иконами-реликвиями. Фото А.М. Лидова
The Archanastenarides kindling the light before the Icons-Relics

зантийской иеротопии, которая сохранилась в формах живого современного обряда и находит удивительные параллели в восточно-христианских действиях с иконами, известных в иконографии и по описаниям в средневековых текстах². Сопоставление ритуальной практики и средневековой традиции может существенно обогатить наши знания о византийской культуре и многое понять в ритуальной практике наших дней.

Эта работа основана как на существующих описаниях и научной литературе, так и на личном опыте, своего рода «полевом исследовании»: в мае 2011 г. мне удалось наблюдать полный обряд Анастении в течение трех с половиной дней в деревне Агия Елени (главный центр этого обряда недалеко от г. Серры)³, пообщаться с участниками и зафиксировать многие детали, не отраженные в специальной литературе.

Этапы обряда. Речь идет о детально разработанном ритуале,

Процессия анастена-
ридов. Фото А.М.
Лидова
*The Procession of
anastenarides*

Священный оркестр.
Фото А.М. Лидова
The Sacred Orchestra

при этом «хождение по углям» составляет менее 40 минут из более чем трех суток обрядового действия. Перечислим его основные элементы.

Все начинается после вечерни в канун праздника 21 мая с торжественной процессии с двумя иконами Константина и Елены, которая идет вокруг деревни и заканчивается у особого здания «Агиасмы» (источника-колодца), входящего в комплекс анастенаарских построек. Здесь происходит освящение воды и окропление присутствующих, которое совершает верховный анастенаарид. На утро праздника Свв. Константина и Елены происходит «курбани» — ритуаль-

ное жертвоприношение животных (иногда быка, в 2014 году — семи баранов во главе с самым большим черным) на особом месте перед «Агиасмой». Во время жертвоприношения начинаются ритуальные экстаические танцы, которые продолжаются в течение всех трех дней. День заканчивается первым «огненным танцем» на углях, на который собирается несколько тысяч зрителей, располагающихся вокруг большого специально оборудованного поля с кострищем в центре.

Большую часть следующего дня занимает благословение домов, процессия анастенааридов со святыми иконами обходит примерно половину деревни, совершая небольшие богослужения с каждениями и молитвословиями в каждом доме, а благодарные хозяева дают орехи и сладости — своего рода вознаграждение, которое впоследствии делится между всеми участниками действия. День заканчивается экстаическими танцами с иконами в «конаки» — главном зда-

*Конаки — зал священнодействий.
Фото А.М. Лидова
The Konaki – a sacred
hall*

*Поле с ритуальным
костром для пригото-
вления углей. Фото
А.М. Лидова
The field with the ritual
fire-place*

*Процессия вокруг
священного поля.
Фото А.М. Лидова
The procession
around the sacred
field*

*Иконы в огне.
Византийская иеротопия обряда
Анастасарии*

нии анастенаарского комплекса. В последний день 23 мая происходит благословение оставшихся домов деревни и вечером еще одно «хождение по углям», которое заканчивается большой совместной трапезой с участием всех жителей деревни и гостей.

Музыка. Важная составляющая обряда — особая сакральная музыка и песнопения, сопровождающие буквально все действия ритуала. При этом каждому соответствует особое музыкальное сопровож-

*Часовня и Агиазма
рядом со «священ-
ным полем». Фото
А.М. Лидова
The Chapel and the
Agiasma next to the
sacred field*

*Иконы-реликвии
с образами свв.
Константина и
Елены. Фото
А.М. Лидова
The Icons-Relics with
St. Constantine and
St. Helena*

*Красный угол в доме,
где хранится одна из
икон-реликвий. Фото
А.М. Лидова
The 'Red Corner' for
one of the holy icons*

дение, по которому участники узнают, какое действо разыгрывается в данный момент. Музыка — архаичная, построенная на сочетании струнных инструментов типа лиры и барабанов. Песнопения также, по всей видимости, восходят к дохристианской древности, с очень странными мотивами, возможно, из древнегреческой мифологии — например, плач матери об убитом ею сыне. Вообще тема плача и покаяния играет в обряде очень важную роль (заметим, что сама этимология названия обряда восходит к греческому глаголу «горестно вздохнуть»). Некоторые женщины танцуют экстатические танцы со слезами на глазах, как во время покаянной молитвы в православной церкви

Хронология. Обряд «нестинарства», с большей вероятностью, существовал в византийское время, а, возможно, возник еще в языческой древности. Одни авторы возводят Анастенарию к дионисийским мистериям, другие связывают с позднеантичными культами бога солнца и Митры. Однако нет прямых доказательств, и,

*Анастенарид с иконой в руках
An anastenarides carrying the holy icon*

кроме того, христианское содержание представляется слишком значимым, чтобы служить лишь прикрытием языческой древности. Первое ясное описание обряда, как мы его знаем сегодня, относится к 1866 г. Но есть и свидетельства этнографического характера: так, обряд сохранился у греков, переселенных Николаем I в Крым в первой половине XIX в. (сейчас с. Чернополье около Симферополя).

Сакральное пространство. В д. Агия Елени возник целый комплекс построек, единственное предназначение которых — служить обряду Анастенарии. Главная из них — «конаки» (родовое гнездо), представляющая собой большой прямоугольный зал для ритуальных танцев и собраний анастенаридов. В красном углу размещаются иконы, появление которых по утрам освящает сакральное пространство. Рядом расположены курильницы и поднос для свечей. Слева — камин, перед которым небольшое песчаное кострище. К «конаки» примыкает круглое искусственное поле с большим кострищем в центре, обнесенное прозрачной загородкой. Слева от «конаки» еще две сакральные постройки: агисма и небольшая часовня с иконостасом и местом для свечей внутри (официально не освященная, но в остальном ничем не отличающаяся от типовых греческих церквей). Все четыре пространства задействованы в процессе обрядовых шествий и других ритуалов.

Иконы в ритуальном танце. Поклонение двум особо почитае-

*Геронтисса в танце
The Gerontissa in dance*

*Геронтисса. Фото
А.М. Лидова
The Gerontissa*

*Иконы в огне.
Византийская иеротопия обряда
Анастенарии*

*Анастенариды перед
совершением обрядового
танца. Фото
А.М. Лидова
The anastenarides
before the ritual dance*

мым иконам с образами Свв. Константина и Елены по сторонам от Честного Креста Господня составляет сердцевину обряда. Они считаются великими реликвиями, конституирующими общину, и ясно отличаются от обычных икон с образами тех же святых, которые встречаются по соседству. Иконы не древние, конца XIX — первой половины XX вв. В одну из них врезана доска от более старой иконы, некогда спасенной в пожаре. Иконы хранятся по отдельности в двух частных домах-молельни. Каждый день обряда начинается и заканчивается с особой процессии торжественного принесения икон и установления их в «конаки», а затем возвращения на ночь в свои дома.

Каждый ритуал начинается с молитвы главы общины («архиана-стенаридес») перед иконами, который как бы испрашивает благо-

*Танцующие
анастенариды. Фото
А.М. Лидова
The dancing anastenarides*

*Иконы в огне.
Византийская иеротопия обряда
Анастенарии*

словения от святых образов, а затем благославляет сам всех участвующих в обряде, стоя перед иконами. Благословение, происходящее в дыму каждений и под звуки сакральной музыки, состоит во вручении двум видным членам общины иконных досок, в то время как остальные получают священные покровы от икон, увешанные «таматой» (благодарственными дарами в виде металлических пластин), или «симадия» — особые посвященные платки, которые традиционно приносятся в дар иконам, хранятся вместе с ними и воспринимаются как некие контактные реликвии, в западной традиции известные как «brandea».

С момента вручения святыни участники обряда преобразуются из обычных людей в своего рода медиумов, получая особую благодать, мистически соединяются со святыми и обретают способность к экстатическому танцу, который рассматривается как форма молитвы и обожения. Анастенариды повторяют специальные

Танцы на углях. Фото
А. М. Лидова
*Dance on burning
coals*

ритуальные движения, двигаясь в замедленном ритме, как бы в полусне, вместе они своим коллективным движением вырезают в пространстве прямоугольного зала фигуру, напоминающую крест. Многие двигаются с запрокинутыми лицами, производя впечатление ослепших: женщины порой напоминают древнегреческих танцующих менад на античных рельефах. При этом не возникает впечатления театральности — скорее многовекового

ритуала, сохранившегося в генетической памяти. Иконы в руках повернуты ликами к груди носящего, так что возникает ощущение, что он обнимает их в процессе танца, образуя одно целое со священной реликвией и изображенными на ней святыми.

Огненное действие. Священные танцы в «конаки» могут рассматриваться как преустройство к кульминации ритуала — «пировассии» (огнехождению). Подготовка костра, превращающегося в пылающие угли, составляет отдельный обряд. Вокруг кострища анастенариды совершают особый танец: взявшись за руки, они ритмически двигаются вокруг костра, приближаясь к нему все ближе. Горящие угли должны создать сакральное пространство высшего уровня, в котором перестают действовать физические законы и происходит обожение — преображение обычных людей в существа высшего порядка. Святые иконы входят в огонь вместе со своими служителями и в идеале «танцуют» в раскаленной среде, являясь

*Танец на углях
с иконой
The dance with the
holy icon on coals*

для людей своего рода защитой. В понятиях иеротопии речь идет о создании перформативной иконы, образа-посредника, устанавливающего неразрывную связь земного и небесного, зримо представляющего чудо преображения, в котором реальное и мистическое переплетены до полной неразличимости. Библейская метафора «Божественного огня» приобретает в этом контексте психофизически ощутимую конкретность и при этом сохраняет силу иконического образа, так или иначе переживаемого всеми присутствующими.

Интересен вопрос о символическом смысле обряда «пировассии», его происхождении и связи с почитанием Свв. Константина и Елены. К сожалению, у нас совсем нет письменных источников, на которые

*Верховный вручает икону для ритуального танца в конаки. Фото А.М. Лидова
The Archonastenerides gives the holy icon for a ritual dance*

можно было бы опереться. Некоторые исследователи указывают на связь св. императора Константина Великого с солнечными культами, которые могли послужить основой обряда «огнехождения»⁴. В этой связи вспоминают имевший государственный статус культ бога солнца Гелиоса, гигантская статуя которого была установлена на колонне в центре Константинополя. Под видом солнечного божества почитался Константин Великий и даже сам Христос, поскольку в лучевой венце Гелиоса была вмонтирована великая реликвия Св. Гвоздя от Креста Господня, присланная императору его матерью св. Еленой из Иерусалима.

Занимательные предания сохранились в устном фольклоре анастенаридов. Согласно одному из них, в XIII веке случилось чудо: церковь с иконами загорелась, и иконы стали взывать о помощи из страшного пожара. Люди вошли в огонь и спасли святыню, при этом все остались невредимы. Более поэтичное и тесно связанное с иконографией сказание было сообщено в другом устном рассказе. Св. Елена послала своему сыну в Константинополь великую реликвию Креста Господня, которая хранилась во дворце.

Во время осады Константинополя турками в 1453 г. весь город был окружен огнем, и святыне грозила гибель. Тогда св. император Константин сошел с небес, забрал реликвию из дворца и прошел с ней невредимый сквозь огонь. В память об этом чуде и совершаются хождения с иконами-реликвиями в огне, а на иконах изображают-

*Танцующая менада. Рельеф II в н.э. Британский музей
The dancing menade on the relief from the British Museum. 2nd cent. AD*

Иконы в огне. Византийская иеротопия обряда Анастенарии

Святилище иконы
Одигитрии.
Миниатюра
Псалтыри
Гамильтона. XIII в.
The Shrine of
Hodegetria icon.
A miniature of the
Hamilton Psalter.
13 cent.

ся свв. Елена и Константин Великий по сторонам от реликвии Креста Господня.

Вопрос о происхождении и конкретной символике обряда остается открытым и с исторической точки зрения одним из самых интригующих: как и почему «огненное действие» оказалось связано с почитанием Свв. Константина и Елены и их майским празднованием? И здесь изучение отдельных мотивов в контексте византийской и в целом средневековой практики обрядов с иконами, подобных знаменитому «вторичному чуду» с Одигитрией Константинопольской, может оказаться чрезвычайно плодотворным. В целом рассмотрение Анастенарии как византийской пространственной иконы, дошедшей до нас в современной ритуальной практике, обещает много интересных открытий. Справедливо задуматься и о методологии подобных реконструкций, которых еще нет в византинистике. В этой перспективе предлагаемое вниманию исследование справедливо рассматривать как постановку проблемы, не претендующую на окончательные ответы.

Alexei Lidov
(Moscow State University, Research Centre
for Eastern Christian Culture)

Icons in Fire. The Byzantine Hierotopy of the Anastenaria Rite

Anastenaria is one of the most ancient rituals preserved to our day in some villages on the historical territory of Thrace, now in northern Greece and Bulgaria, where it is known as *nestinarstvo*. The rite takes place annually over three days before and after 21 May, the Orthodox feast of saints Constantine and Helena. Anastenaria is famous for its central ritual of walking on burning coals, which in theory is a form of ritual dance in fire, performed by dedicated ‘anastenarides’ holding icons and associated contact relics in their arms. Not only does the fire not burn these devotees in their state of ecstatic motion, it also heals some of them of a variety of ailments. The miracle that takes place, according to the participants, is the synergetic action of ‘grace-giving fire’, the holy nature of the ancient rite, and the special strength of the venerated icon-relics with the images of the royal saints Constantine and Helena, who mystically participate in the event.

Ethnographers and psychologists described and analysed the Anastenaria rite long ago.⁵ However, the historic cultural meaning of the rite has been studied significantly less thoroughly, as have its Byzantine sources. This article is the first to explore Anastenaria as the most vivid manifestation of Byzantine hierotopy, which has been preserved in the shape of a contemporary rite and displays surprising parallels with Eastern Christian performances with icons known to us from iconography and descriptions found in medieval texts.⁶ A comparison of ritual practice and medieval tradition can significantly enrich both our knowledge of Byzantine culture and our understanding of many aspects of contemporary ritual practice.

This paper is based on existing descriptions in academic literature and on personal experience, ‘fieldwork’ of sorts – in May 2011 I managed to observe the complete rite of Anastenaria in the village of Agia Eleni (the main centre of this rite, not far from the town of Serres) over three and a half days.⁷ I was able to talk with participants and record many details which are not reflected in the specialist literature.

The stages of the rite. Here we are concerned with a detailed development of the ritual, of which, moreover, the ‘walking on coals’ occupies less than 40 minutes. Let us enumerate its basic elements:

Everything begins after Vespers on the eve of the 21 May feast day. A ceremonial procession with two holy icons of Constantine and Helena circles the village and ends in front of a special building, the *Agiasma* (a well fed by a spring), in a complex of Anastenaria buildings. Here a water blessing ceremony is conducted and those present are sprinkled by the most senior anastenarid. On the morning of the feast of saints

Constantine and Helena, a ritual sacrifice of animals or kurban (sometimes a bull, on this occasion seven rams headed by the largest, a black ram) is held on a special site in front of the Agiasma. Ecstatic ritual dancing begins during the sacrificing and continues throughout the three days. The day ends with the first 'fire dance' on coals, which several thousand spectators gather to watch around a large, specially equipped field with the fire-pit in the centre.

A large part of the following day is taken up with the blessing of homes. A procession of anastenarids carrying holy icons goes around roughly half of the village, conducting short services with censings and prayers in every house, and the grateful householder gives nuts and sweets – a sort of remuneration which is subsequently divided between all those participating in the activity. The day ends with ecstatic dancing with icons in the konaki, the main building of the Anastenaria complex. On the following day, 23 May, the remaining houses in the village are blessed and in the evening there is a further 'walking on coals' which finishes with a large collective feast in which all the villagers and guests participate.

Music. The special sacred music and singing which accompanies literally all ritual performances is an important component of the rite. Moreover, each action has a special musical accompaniment which indicates to participants what performance is happening at the given moment. The music is archaic, created by a combination of drums and stringed instruments – a type of lyre. To all appearances the songs also originate in pre-Christian antiquity, with very strange motifs possibly from ancient Greek mythology – the lament of a mother for the son she murdered, for example. The theme of lament and repentance generally lays a very important role in the rite (note that the very etymology of the rite's name goes back to the Greek verb 'to sigh sorrowfully'). Some women dance the ecstatic dances with tears in their eyes, as during the penitential prayers of Orthodox Holy Week.

Chronology. The Anastenaria rite, probably, existed in the Byzantine period. Some authors suggest the Anastenaria originates in the Dionysian mysteries; others connect it with the late antique cult of the sun god and Mithras. However there is no direct proof and, moreover, the Christian content is too notable to serve simply as a cover for ancient paganism. The first clear description of the ritual as we know it today dates to 1866. There is, however, also ethnographic evidence that the rite was preserved by the Greeks resettled in the Crimea by Nicholas I in the first half of the nineteenth century (now in the village of Chernopol'e, near Simferopol).

Sacred space. A whole complex of constructions whose sole purpose is to serve the Anastenaria rite has arisen in the village of Agia Eleni. The main structure is the konaki (ancestral seat), which is a large rectangular hall for the ritual dances and gatherings of the anastenarids. The icons are housed in the icon corner, and their morning appearances sanctify the sacred space. Censers and a candle stand are arranged nearby. On the left is a fireplace, in front of which is a smallish sandy fire-pit.

Bordering the konaki is a round field with a large fire-pit in the centre, surrounded by a transparent fence. On the left of the konaki there are two further sacred constructions: the agiasma and a small chapel (officially unconsecrated, but no different from the typical tiny Greek churches in other respects) with an iconostasis and a place for candles inside. All four spaces are involved in the sequence of ceremonial processions and other rituals.

Icons in ritual dance. At the heart of the ritual lies the worship of two especially venerated icons with images of saints Constantine and Helena beside the Precious Cross. They are considered to be great relics, forming the community and clearly differing from ordinary icons with images of these same saints which may be encountered locally. The icons are not particularly old, dating from the end of the nineteenth to the beginning of the twentieth century. One of them has an inset from the wooden board of an earlier icon, saved at some point from a fire. The icons are kept separately in two private homes in the village, where room-chapels have been specially set up for them. The rite begins and finishes every day with a special festive procession bringing the icons and placing them in the konaki, and then returning them to their homes at night.

Each ritual begins with prayers before the icons by the head of the community (the 'arkhianastendarides'), as though requesting the blessing of the holy images before himself blessing all the rite's participants, standing before the icons. The blessing, conducted in the smoke from the censer and to the strains of sacred music, consists of handing the wooden icons to two prominent community members as the remaining participants receive the holy icon covers – either the 'tamata' which hang over the icons (thanksgiving gifts in the form of metal plates) or 'simadia', especially consecrated scarves which are traditionally brought as gifts for the icons, kept together with them and understood as a type of contact relic, known in the Western tradition as brandea.

From the moment these holy objects are bestowed upon the rite's participants they are transformed from completely ordinary people to some sort of mediums who, receiving especial grace and mystically uniting themselves with the saints, find the ability to dance ecstatically. This dancing is viewed as a form of prayer and deification. The anastendarides repeat special ritual movements, moving in a slowed rhythm as if half asleep; together their collective movement inscribes a shape reminiscent of a cross on the rectangular hall. Many move with their faces tipped back, as if they had been struck blind: the women sometimes remind one of the ancient Greek maenad dancers on antique reliefs. The impression created is not one of theatricality, however, rather of a centuries old ritual preserved in genetic memory. The faces of the icons are turned towards the chests of those carrying them in their arms, creating the feeling that the anastendarid is embracing the icons during the dance, forming an integral whole with the holy relics and the saints depicted on them.

The fire performance. The sacred dances in the konaki may be considered as special preparation for the culmination of the ritual –

pyrovasia (firewalking). The preparation of the fire, which turns into glowing coals, is a separate rite. The anastenarids hold a special dance around the fire pit: linking arms, they rhythmically move around the fire, drawing increasingly near to it. The burning coals must create a sacred space of the highest level, in which the laws of nature cease to apply and deification takes place — the transfiguration of ordinary people into creatures of a higher order. The holy icons enter the fire together with their servants, as a sort of defence for people, and in theory they ‘dance’ in the scorching environment. In terms of hierotopy, we see here the creation of a performative icon, an image-mediator, which establishes an unbreakable tie between earth and heaven, visibly representing the miracle of transfiguration in which the real and the mystical are indistinguishably intertwined. In this context the Biblical metaphor of the divine fire acquires psychophysical, palpable concreteness and at the same time preserves the force of an iconic image, experienced one way or another by all those present.

The question of the symbolic meaning of the ritual of pyrovasia, its origin and connection with the veneration of Constantine and Helena is an interesting one. Unfortunately there are absolutely no written sources to which we might turn. Some researchers point to the link between the holy emperor Constantine the Great and the sun cult, which could serve as grounds for a firewalking rite.⁸ In this connection they recall the state-backed cult of the sun god Helios, a gigantic statue of whom was erected on a column in the centre of Constantinople. Constantine the Great was venerated in the form of a sun deity, and even Christ himself, since the great relic of Holy Nail from the Cross of the Lord — sent from Jerusalem to the emperor by his mother St Helena — was mounted in Helios’s radial crown.

The oral folklore of the anastenarids preserves some fascinating legends. According to one of them, a miracle happened in the thirteenth century: a church, together with the icons, caught fire, and the icons began to cry out to be saved from the terrible flames. People went into the fire and saved the holy things, and none of them were harmed. Another oral account communicated a more poetic tale, which is also more closely connected with the iconography. St Helena sent the great relic of the Lord’s Cross to her son in Constantinople, which was kept in the palace. During the 1453 siege of Constantinople by the Turks, the whole town was surrounded by fire and the holy things were threatened with destruction. The emperor Constantine then came down from heaven and took the relic from the palace, carrying it unharmed through the fire. The firewalking with the icon-relics is done in commemoration of this miracle, and saints Helena and Constantine the Great are also depicted on the icons beside the relic of the Lord’s Cross.

The question of the origin and concrete symbolism of the rite remains unresolved and from a historian’s point of view, one of the most intriguing: how and why is the ‘fire performance’ connected with the veneration of saints Constantine and Helena, and their May feast? Here a study of the separate motifs in the Byzantine context, and of the

medieval practice of rites with icons (such as the well-known Tuesday miracle with the Hodegetria of Constantinople) in general, may prove to be surprisingly fruitful. Broadly speaking, examining the Anastenaria as a Byzantine spatial icon which has come down to us in contemporary ritual practice promises many interesting revelations. It would be right to also ponder the methodology of similar reconstructions, which do not as yet feature in Byzantine studies. In this schema, the paper before you should be viewed as posing the question, rather than claiming a definitive answer.

- 1 Gault Antoniades A. *The Anastenaria. Thracian Firewalking Festival*. Athens, 1954; Schot-Billmann F. *Danse, Mystique et Psychanalyse. Marche sur le feu en Grece modern*. Paris, 1988; Наиболее фундаментальное этнографическое исследование ритуала: Danforth L. *Firewalking and Religious Healing. The Anastenaria of Greece and the American Firewalking Movement*. Princeton University Press, 1989.
- 2 Об этих обрядах, в частности, см.: Лидов А.М. *Пространственные иконы. Чудотворное действо с Одигитрией Константинопольской // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Индрик, 2006, с. 349–372; Лидов А.М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009.*
- 3 Выражаю глубокую и искреннюю признательность моему другу и коллеге, историку архитектуры и практикующему анастенариду Фейдону Хаджиантониу (Phaidon Hadjiantoniou), который ввел меня в эту удивительную среду и позволил увидеть происходящее во всех подробностях, обычно закрытых от зрителей, собирающихся на «огненное шоу».
- 4 Drageva Ts. *Constantine the Great, the Cult of Sun and Fire and Bulgarian Magic Ritual of Nestinarstvo (Dance on Live Embers) // Nish and Byzantium, 5 (2002), p. 485*
- 5 Gault Antoniades A. *The Anastenaria. Thracian Firewalking Festival*. Athens, 1954; Schot-Billmann F. *Danse, Mystique et Psychanalyse. Marche sur le feu en Grece modern*. Paris, 1988; the most thorough ethnographical study of the ritual is Danforth L. *Firewalking and Religious Healing. The Anastenaria of Greece and the American Firewalking Movement*. Princeton University Press, 1989
- 6 On these rituals in particular see: Lidov, A. M. 'Prostranstvennye ikony. Chudotvornoe deistvo s Odigitriei Konstantinopol'skoi' ['Spatial icons. The miraculous performance with the Hodegetria of Constantinople'] in *Ierotopiia. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevei Rusi* [Hierotopy. The Creation of Sacred Space in Byzantium and Ancient Rus] (ed) A. M. Lidov, Moscow: Indrik, 2006, c. 349–372; Lidov, A. M. *Ierotopiia. Prostranstvennye ikony i obrazy-paradigmy v vizantiiskoi kul'ture* [Hierotopy. Spatial icons and image-paradigms in Byzantine culture], Moscow, 2009
- 7 I am deeply and sincerely grateful to my friend and colleague, the architectural historian and practicing anastenarid Phaidon Hadjiantoniou, who initiated me into this amazing environment and allowed me a glimpse of those detailed workings usually closed to spectators who gather for the 'fire show'.
- 8 Drageva Ts. 'Constantine the Great, the Cult of Sun and Fire and Bulgarian Magic Ritual of Nestinarstvo (Dance on Live Embers)' in *Nish and Byzantium, 5 (2002), p.485*